

Дарина Стрельченко

А ЗА ОКОЛИЦЕЙ— ТЬМА

ПИТЕР®
Fantasy

Питер. Fantasy

Дарина Стрельченко
А за околицей – тьма

«Питер»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6

Стрельченко Д. А.

А за околицей – тьма / Д. А. Стрельченко — «Питер»,
2023 — (Питер. Fantasy)

ISBN 978-5-00116-910-9

В тёмном волшебном лесу на границе между жизнью и смертью живет яга Обыда – мудрая хранительница Равновесия, стражница Леса и проводница в Хтонь. Никого нет сильнее во всём Лесу, одна она кроит и расширяет полотно бытия. Её ученица Ярина, только постигающая тайны Леса, не может смириться с жестокостью охраняемого ими мира и не хочет становиться ягой. В истории взросления Ярины переплетаются славянские и удмуртские космогонические мифы и предания. Сможет ли она стать преемницей? Хватит ли сил противостоять лукавым врагам из Хтони? Сумеет ли она сохранить Равновесие? Если рухнет оно, миру придёт конец. Издание дополнено картой мира от Марии Василенко и сюжетными иллюстрациями от удмуртской художницы Ульяны Константиновой.

УДК 821.161.1

ББК 84(2=Р)6

ISBN 978-5-00116-910-9

© Стрельченко Д. А., 2023
© Питер, 2023

Содержание

Глава 1. Да здравствует яга!	6
Глава 2. Нитка	12
Глава 3. Ломоть сердца	16
Глава 4. Оберег	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дарина Стрельченко

А за околицей – тьма

- © ООО Издательство «Питер», 2023
- © Серия «Питер. Fantasy», 2023
- © Дарина Стрельченко, текст, 2023
- © Юлия Тар, иллюстрация на обложке, 2023
- © Ульяна Константинова, иллюстрации, 2023
- © Мария Василенко, иллюстрация на форзаце, 2023

* * *

Моим бабушкам

*И какие там будут осенью сказки, какие молодцы, богатыри,
царевны, кащеи?*

*Ничего не видно отсюда. Но чем дальше в лес —
Тем больше я себе верю.*

Ольга Лишина

Глава 1. Да здравствует яга!

*У птицы в горле
Хранится верность
Грядущим вёснам¹.
Эжен Гильвик*

– Больше такую хлипкую не бери, – оглядывая покойницу, покачал головой Кощей. – Соплём, поди, перешибло?

– В Хтони от меня убежала, – проворчала Обыда². – На самое Пламя напоролась.

Лицо у лежащей в гробу было тёмное, обгорелое; словно бы удивлённое. Кощей вздохнул, нагнулся, сложил крест-накрест на тощей девичьей груди белые руки.

– Смотри-ка, и запачкаться не успела. Ни пятнышка.

– Боялась потому что. Пламени боялась. Вот и угодила прямо к нему.

– Чего боишься, то и сбывается, – покивал Кощей.

– Что ж ты тогда смерти своей боишься, батюшка?

– А ты что ж тогда так боишься без преемницы остаться?

Постояли молча. Поглядели, как наползает на гроб осенняя крапива, как проседает под могилой земля. Когда лицо ученицы скрылось под корнями, Обыда махнула рукой, и молодая ель надвинулась, укрывая холмик.

– Засыпай, – шепнула она, наклонившись, и опустила сверху маковое зерно. – Да спи сладко.

– Новую девку покрепче ищи, – посоветовал Кощей, запахивая плащ. – Чтоб ловкая, да тёмненькая, да жилистая. Вот как позапрошлая была. И хорошо бы, чтоб повзрослей. А то ведь не успеешь.

– Не твоя забота, батюшка, – ответила Обыда, не замечая, что ветер растрепал волосы и распахнул кожух³.

Затрещали ветки. Кощей насторожился:

– Гамаюн⁴, что ли?

Обыда неохотно, медленно обернулась. Тряхнуло обмётанные инеем стебли, полетел мелкий снег. На мутный свет кубарем выкатилась девчонка. Крохотная – едва до пояса достанет. Чумазая, в обносках, светленькая, как зайчишка. Кощей сделал шаг из тени, но Обыда шикнула, отогнала. Обернулась к девочке:

– Ты откуда, глазастая? Заблудилась, поди?

На ресницах дрогнули слёзы – крупные, как росинки.

– Откуда будешь-то? Из деревни?

Обыда протянула руку, осторожно коснулась девочки. Спрашивает, а сама оценивает: ладони тёплые – Пламя приживётся; пальцы длинные – легко будет и перо держать, и пестик, и помело. Глаза ясные – колдовства чужого ещё не вложено.

– Вот твоя девица, явилась, – хохотнул у ели Бессмертный.

Девочка увидела его, взвизгнула, отпрянула. Обыда одной рукой прижала её к себе, другой зашарила в складках платья, велела Кощею:

– Ну-ка, иди давай, не пугай!

---

¹ Цитируется в переводе Мориса Ваксмахера по: Страницы европейской поэзии: XX век. М.: Художественная литература, 1976.

² Обыда – существо в удмуртской мифологии, по внешнему виду и функциям близкое к классической бабе-яге.

³ Кожух – кафтан, подбитый мехом.

⁴ Гамаюн, Сирин и Алконост – в славянской мифологии волшебные сладкоголосые полуптицы-полудевушки.

Вытащила пригоршню листьев – по осеннему грибному лесу пошёл запах терпкого лета. Протянула девочке:

– Понюхай. Сразу страх забудешь. Всё забудешь...

Ждала, что та оттолкнёт, побежит прочь, но девочка сама потянулась к листьям на сухой ладони, втянула запах. Грохнуло в небе, молния расколола тучи, ударив в озеро. Кощей обернулся на тёплую избу вдалеке – плясала свеча, шипел самовар, щёлкали ходики, – и шагнул из-под еловых лап в ненастье. На прощанье бросил:

– Уж эту не проворонь.

Девочка засмеялась; подкосились ослабевшие коленки, и она рухнула к ногам Обыды. Уснула. Та протянула задумчиво:

– Вот, значит, кого богинка-то⁵ сжечь хотела...

* * *

Лёгкая оказалась, как травинка.

Обыда донесла девочку до дома, взобралась на крыльцо. Изба сама, без указки, опустилась пониже, распахнула дверь. Потянуло навстречу сладким запахом кадушки с тестом, травяным духом сушняка, крепким ароматом яблок. Девочка даже сквозь сон услышала, зашевелилась.

– Спи, спи.

Обыда опустила её на лавку, села рядом. Дел не впрокорот, а поди ж ты – захотелось посидеть, передохнуть. Миг прошёл, другой; ходики отбили четверть часа. Обыда упёрлась кулаками в колени, встала и подошла к каразее⁶ у стены. Осторожно, чтоб не коснуться стекла, отёрнула, заглянула в зеркало – всё в трещинах и мушиных точках.

Ходики замерли. Изба поджалась, скрипнула дверь.

– Ну-ну, будет. Я быстренько, – примирительно велела Обыда.

Вернулась к лавке, взяла девочку на руки. Поднесла к тёмному стеклу. Ничего не изменилось: та же горница в глубине, та же найдёныш – светленькая, заплаканная. Точно в день смерти предшественницы явилась, как и положено.

Поскорей, чтобы лишний раз себя не увидеть, Обыда задёрнула каразею. Тут же облегчённо зашипел самовар, дождь залупил по окнам.

– Вот и всё, – похлопав по брёвнам, усмехнулась она. – А ты, глазастая, спи. Завтра. Всё завтра.

Недосуг было сегодня с новой ученицей возиться, нужно за прежней прибрать: косы, платья сжечь, монисто⁷ вычистить. Не наберёшься на них платьев, на окаянных. Только вылупятся, уму-разуму научатся – тут же готовы и в золу, и в землю. Взять хоть последнюю. Сама. Сама! А что сама-то? Сама-то в Пламя и угодила. Глупенькая, визьтём⁸! А ведь ясная голова была, и глазки ясные. Хорошая бы вышла яга.

– Может, из этой хорошая выйдет, – поливая из ладоней яблони, запирая горе, вздохнула Обыда.

Избушка закричала, ободря хозяйку, наддала тепла в печке: холодные на пороге зимы ночи выдались, болотистые.

Спелое яблоко, наливное, хрусткое, упало с ветки, будто в насмешку.

---

⁵ Богинка – в славянской мифологии существо, чаще всего злобное, способное красть младенцев.

⁶ Каразея – грубая шерстяная ткань.

⁷ Монисто – ожерелье из бус, монет, разноцветных камней; оберег. Может быть разной длины, может состоять из двух частей, прикрепляющихся друг к другу.

⁸ Визьтём (удм.) – дурак; глупый, бестолковый.

– Поди, и без тебя обойдусь, – буркнула Обыда, подбирая яблоко с половиц. – Поди, хоть эта вырастет, прежде чем помрёт.

* * *

Утром Обыда открыла глаза, а найдёныш сидит на лавке: свесила ноги, но не ступает на пол. Изба задремала, выхолодило горницу под утро: по половицам, по косякам пошёл ледяной узор. Девчонка скукожилась, но не пищала, не плакала – видимо, не весь вчерашний дурман вышел. Как увидела, что Обыда проснулась, – вперилась в неё громадными глазами, зелёными, как лесные озёра.

За ночь пропахла изба болотом.

– Вон корыто, умывайся. Потом сарафан поищем.

Девочка ничего не ответила. Глянула испуганно, встала коленями на лавку, выглянула за окно. Выпала крепкая роса, от леса тянуло холодом, влагой, а в избе сытно пахло берёзовым углём. Манили утренние огоньки на лугах, влекла серебряную нитку бледная луна: протяни руку – и схватишь.

– Рано тебе за огоньками. Рано пока. А когда-нибудь и можно будет. Ну, что молчишь? Немая, что ли?

Девочка помотала головой, но так и не заговорила. Обыда махнула рукой: и не таких чудес навидалась, пока искала преемницу. Кого крала, кого выхаживала, кого с самой границы вытаскивала по лунной смётке⁹. Ничего. Пообвыкнется – разговорится.

– Вот тебе рубаха. Вот тебе сарафан. Снимай свои лохмотья.

Девочка нахмурилась, вжалась в стену. Обыда вздохнула да бросила. Уговорами делу не поможешь, силой только хуже сделаешь.

– Не хочешь – не надо. А всё ж лучше б переделась. В своих-то обносках где только не бегала, а земля сейчас мокрая, грязь всюду какая.

Выложила на лавку крепко выбеленный, выстиранный в семи водах с чистотелом сарафан и отвернулась, принялась накрывать на стол. Когда обернулась, увидела, что девочка всё же стянула свои одёжки, натянула чистые.

– Руки помой. Все в крови. Упала, видать, где-то или о ветки разодрала.

Девочка кое-как сполоснула в корыте руки. Поёрзав, позволила расчесать гребнем волосы. После того как Обыда вынула из них листья, окатила лавровым отваром, высушила тёплым ветром да заплела косы, волосы заблестели пшеничным золотом, солнечным звоном.

– Накинь-ка платок. Зябко.

Изба виновато вздохнула: всегда, как приходил чужой, выстуживало, да ещё похлеще, чем после ночи. Обыда любила, когда ученицы являлись летом: тут прохлады только кстати. Но раз уж явилась осенью – что поделаешь. Яга новую ягу не выбирает; новая яга сама приходит, никого не спрашивая.

Когда девочка накинула на плечи вязаную шаль, от растрёпанного найдёныша с кладбища ничего и не осталось. Разве что глаза по-прежнему были затравленные, пустые.

Обыда собрала на стол, но и от мясной похлёбки, и от картошки с грибами, и даже от нежной малины девочка отказалась: молча отодвинула, помотала головой. Еле-еле пощипала пирог, запила чаем. Обыда, не таясь, покрошила в чашку белые лепестки.

– Это, глазастая, для успокоения трава. Гáрмала¹⁰. Из неё припарки делают, если какая мозоль, и в питье добавляют, если на душе тяжело.

---

⁹ Смётка – нитки, которыми смётывается или намётывается что-либо.

¹⁰ Гáрмала – травянистое растение; в разных странах используется как средство от депрессии, благовоние, растение для шаманских ритуалов.

– Мне не тяжело, – тихо сказала девочка. Голос у неё оказался тонкий, чистый, совсем птичий. – Только спать хочется.

Конечно, хочется, опомнилась Обыда. Мала же. Совсем ещё мала. Привыкла, что прежняя-то, Марийка, почти взрослая. Вязкая волна обиды пополам с жалостью поднялась в груди. А ведь уже две части ритуала провела, третью провести собиралась, почти дотянула, совсем осталось чуточку, и была бы уже настоящая преемница...

– Ложись. И чего так рано встрепенулась, если недоспала? Как хоть зовут тебя?

– Ярина, – ответила девочка, кляня носом. Чашка с мятой опасно отпрыгнула, дохнув паром.

Обыда, махнув рукой за спину, раскатала лежанку на печи; щёлкнув пальцами, распахнула сундук. Подушка улеглась сверху постели, печка заворчала, греясь. Обыда хотела было кликнуть руки-помощники¹¹, да передумала. Подхватила девочку сама («И правда, как травинка») и переложила на постель.

* * *

Ярина проснулась спустя полный день – с первым блеском зари. Ещё русалки в озере не начали плескаться, ещё Сирин не пролила утренние слёзы, а Обыда уже почуяла сквозь дрему, как смотрят на неё чужие глаза. Подумала, Керемёт¹² проведал о новостях, высматривает. Но нет; кто-то здешний глядел. Обыда зыркнула туда-сюда по углам – никакой нечисти. Тишина, пахнет деревом, мёдом, едва слышно берёзовым мылом; щекочет ноздри сладкий запах вызревших за ночь яблок.

Спросила хрипло, вглядываясь спросонок в лежанку на печи:

– Ты, что ли?

Ярина сидела, натянув на колени сарафан, обняв себя за лодыжки.

– Ранняя пташка.

Пощёлкивало в поясице. В слюдяное окно заглядывал тощий умирающий месяц. Обыда запалила лучину, подошла к столу поглядеть на воду в крынке. Ёкнуло внутри. Сколько ни смотрела, каждый раз сердце схватывало: вдруг сегодня? Вдруг сегодня увидится?

Но вода в глиняном кувшине стояла спокойная, светлая, отражала слабую зорьку.

– Вставай, раз проснулась, – проворчала Обыда, чувствуя, как камень упал с души: посмотрела – и ладно, можно дальше жить. Обернулась, а Ярина так и сидит, обхватив колени. – Что как неживая?

Девочка глянула исподлюбья. «Непросто с ней будет», – мелькнуло в голове, но некогда было загадывать: день уж входил в Лес. Пела, приветствуя солнце, медноволосая Алконост, шумели ёлки, растревоженные вороньём, и первые лучи, заноса в горницу тёплую золотую пыль, гладили по щекам и макушке вчерашнего найдёныша.

– Вставай, вставай, – повторила Обыда, поднимая на приступку печи подошедшее тесто. Подвязалась платком, набрала в пригоршню тыквенных семян. Распахнула окно, разведя створки и занавески, впустила в избу ещё больше света, сквозняк, свежий осенний свист. Высыпала семена на дощечку, и тут же с гомоном, с щёлканьем налетели утренние птицы. – Вот уже и птицы не ленятся, смотри-ка, поклевать слетелись. И ты давай, Ярина.

Но девочка так и не пошевелилась. Обыда нахмурилась, подошла ближе. Протянула руку, коснулась плеча и тут же одёрнулась: будто мокрым пальцем железо на морозе тронула. Поглядела – а Ярина-то замёрзла, закаменела вся в снежное стёклышко с камушком внутри. И камушек еле разглядишь, еле бьётся.

---

¹¹ Руки-помощники – фольклорный элемент; кисти рук, которые летают по избе и помогают по хозяйственным делам.

¹² Керемёт – в удмуртской мифологии творец зла.

В Лесу чего только не бывает. В Хтони и подавно не такое видала Обыда. А потому, вместо того чтобы пугаться, велела избе:

– Топи-ка. Поддай жару как следует!

Сама заперла покрепче дверь, задвинула стёкла в духовых окошках, затворила вход в погреб. Из устья печки пошло, распускаясь огненным маком, тепло. Обыда вынула из сундука тёмное покрывало, взмахнула, накрывая девочку, – вспыхнули серебром угловатые вышитые узоры. Дунула на макушку, позвала с гвоздя сухой веноч. Костяника, брусника, папоротник, горечавка... Осторожно положила веноч Ярине на голову.

*Четыре травы на четыре света,
Иди от избы, от избы до лета,
Иди-уйди, тишина, из сердца!*

С последним слогом Ярина вздохнула, вздрогнула, в глазах запрыгали искры, отразились наконец и лучина, и солнце, и осеннее золотое утро.

– Откуда же ты взялась, с камушком таким внутри? Неужто всё та, лохматая, одарила?

Ярина растерянно улыбнулась, повела плечами.

– Холодно...

– Холодно, потому что ты чужачка пока. Изба тебя примет – теплей станет. К лету, глядишь, и в Лесу потеплеет.

А девочка-то оживала на глазах: заиграл румянец – земляничный, рубиновый, как будто только с мороза вошла, – засияли глаза, зелёный орешник налился золотисто-коричневой глубиной. Даже волосы, безжизненные косицы, встопорщились, словно Ярина только что проскакала верхом всю дорогу от Яблоневого рощи.

Она завертела головой. Обыда хмыкнула про себя: видели мы это, много раз видели, как новенькие оглядываются в избе. Тут и связки из волчьего волоса, тут и сухие цветы, и яблоня вплелась в брёвна, вьётся живым узором до самого потолка. Тут и зеркало едва поблёскивает под каразей. И хорошо бы плотней укрыть, но сильное колдовство ничем, кроме другого колдовства, не скроешь, а ещё один покров поверх зеркала городить, как заплату на заплату ставить: однажды порвётся так, что ранки, рванки, трещинки по всему полотну пойдут. Достаточно, что изба на перепутье крепко села, как клуша на гнезде с мёртвыми птенцами: не поднять, не сдвинуть никакой чужой силе.

Ярина тем временем углядела, конечно, зеркало. Крохотная совсем – а уже увидела проблески колдовства. Если голова светлая, если слово держать умеет, если нитку схватит – далеко пойдёт.

Приметила связки белушек, сухие радужные перья Сирин в горшке, костяную скрипку, череду снежных шаров, в которых, зовя зиму, клубился тугой туман. Скользнула взглядом по чёрной двери, задержалась на миг, дальше побежала. Глаза любопытные, руки тянутся, вопросы на языке поспевают, как груши на пороге осени. Знаем, знаем, уж сколько раз видели такое... Почему ж только позже, к юности, глаза гаснут? Билась Обыда над этим, размышляла, что случается, в какой миг гаснет огонь внутри. Так и не поняла ничего, одно что самой скоро за третью сотню перевалит.

А может, и нет.

Опять она метнулась взглядом к воде, всмотрелась через плечо в крынку. Глядела ведь сегодня, куда ещё, дважды ни на что не гадают, дважды вопрос задавать – только ответ портить. И всё-таки посмотрела. Холодная, тихая вода, хоть лес уже весь проснулся, всеми ветвями устремился в последний погожий день к скупому кленовому солнцу. Птенцы Гамаюн затянули тонкими голосами свою песнь, птица-мать изредка звучно направляла: вот так. Вот так пойте, чтоб у того, кто вас услышит, самое светлое поднималось в душе, самое дорогое.

Ярина, замерев, заслушалась. Спросила шёпотом:

– Это что?

А потом затрясся пол, попрыгала с полок посуда – сверкнул за окном Утро Ясное. Ярина вскочила, вцепилась в ухват.

– Ты чего это? – изумилась Обыда.

– Кто там? Почему пол трясётся?! Он... обижать станет?

– Лес с тобой! Никто тебя тут не тронет, если сама руку не поднимешь.

Спросить спросила, а сама прежде ответа поняла: кто-то крепко напугал Ярину в прошлой жизни, так крепко, что имя ушло, а страх остался. Ничего. Память человечья гибкая, слабая, как осенняя ящерка. Побродит Ярина по лесным тропам, искупается в озере под дождём, с девками из воршудов¹³ познакомится – всё забудет.

– А это кто тогда? – настороженно спросила она, смаргивая слёзы; ухват так и не выпустила.

– Это Утро моё Ясное, – ответила Обыда. – Он тут, у избы, скачет, чтобы нам светлей было. Скоро уж День Красный побежит, а ты зарёванная, неумытая. Так и всю жизнь просидишь-проболтаешь.

– Кто он? – настойчиво повторила Ярина. – Утро Ясное?

– Утро – мирный молодец, справный, весь Лес будит. День – верный, ровный, греет всё кругом. А Ночи на глаза не попадайся до поры до времени. Он по двору не скачет – там, за оградой тихонечко пролетает. Вчера проехал – ты и не заметила. Ну? Не боишься больше?

– Боюсь. Больно бьёт, – вздохнула Ярина. – Вот если б ты рассказала, что за чёрточки на одеяле... Как они ночью горели! Я бы себе такие же сделала. Чтобы, если кто подойдёт...

Обыда глянула на покрывало, провела пальцем по узловатому вышитому знаку.

– Никто тебя тут не обидит, если меня будешь слушать. Я тут главная. Я, яга Обыда.

Ярина кивнула, хоть и не поняла ничего – это Обыда по лицу прочла, – но настойчиво повторила:

– А про чёрточки расскажи.

– Расскажу, глазастая.

– Сейчас?

– Да погоди немного, дай хоть чаю попить. Или ты и есть не хочешь? Сушки у меня заварные, вчера поставила. Хлеб с орехами. Неужто не попробуешь даже?

Ярина глянула за спину Обыды и ахнула: чёрный стол накрыла красная скатерть, выстроились крутобокие чашки, на полотенце засветился свежий хрустящий хлеб.

– Нигде больше такой не испечь, только тут, на перепутье, – сказала Обыда. Подвинула лавку, велела: – Садись. Поешь. А там, может, и расскажу тебе про чёрточки.

Ярина принялась за хлеб – ни крошки не уронила, ни слова не проронила. Молчаливая. Угрюмая? Сердитая? Испуганная, как зайчишка лесной? Кто её пока разберёт. А всё же обидно будет, если нить не подхватит, если окажется, что всего лишь девчонка это, всего лишь случайно в день смерти Марийки явилась Ярина в Лес.

---

¹³ Воршуд (удм.) – 1. Семейно-родовое божество; 2. Объединение кровных родственников, родовая территория; здесь – населённый пункт, в котором живут представители одного рода.

Глава 2. Нитка

Открыла глаза – перед самым лицом мутные цветные стёкла. Подняла руку – на ладонь прыгнуло изумрудное пятно, за ним рябиновое, за ним солнечное. А затем всё стихло.

Ярина приникла лицом к слюдяному окошку. Зацепилась волосами за деревянные узоры по краю – резных волков с острыми зубцами-гривами. Мотнула головой, дёрнулась и, оставив клочок на осиновой волчьей гриве, взгляделась в то, что творилось во дворе.

Клубилось небо. Ни следа от вчерашнего пасмурного жемчуга: тучи ворочались зелёные, грузные, с болотными оторочками. К ограде, заперев горизонт, схороводились ёлки. Ниже ёлок жались светлые берёзы – кроны их отдавали свежей, дымной зеленью.

Много-много домов рассыпалось по опушке – мелких избушек, будто игрушечных. От каждой тянулись белые нити: от конька, от крыльца, из окон. Нити уходили вверх, дрожали, натягиваясь ту же, ту же, и кончались на пальцах Обыды – узких, увенчанных белыми ногтями. Яга выросла в половину двора, поднялась выше молодых берёз, выше елей. Пышные рукава запросто бы вместили по четыре лебедя, а на шее висел оберег с половину печи.

Заскрипели половицы; Ярина оглянулась, но в избе было мрачно и пусто. «Домовой, поди», – вздрогнула она. Посыпались монеты. Ярина вскочила с лавки и, озираясь, шмыгнула к двери. Но не успела добежать, как щеколда потянулась, осыпая ржавые хлопья. Закрылась. Всхлипнула створка.

Ярина прижалась к стене, чувствуя, как от брёвен расходится влажный холод. В ноздри забились запахи мха, сладковатой плесени, опилок. Прятаться было некуда. За окном тянула белые нити огромная Обыда. Дверь заперта – дубовая, крепкая, не пробьёшься. Не сбежать.

Со двора донёсся тягучий звук. По полу поползла тень. Ярина оцепенело ждала, когда тёмное пятно доберётся до неё. Тьма коснулась ноги, но ничего не случилось. Коснулась другой – опять ничего. А потом тихий холод пошёл по телу, поднялся до колен, до пояса, помедлил и потёк выше, выше, к груди, к горлу.

Ярина закричала, но голос пропал. Забилась, стряхнула с себя тёмный вихрь. Он облаком поплыл по воздуху, на лету обращаясь в клочья гари, в пыльные скорлупки. Ярина вскочила на лавку. Со всей избы, из всех углов надвигалась мгла, и только из окна лился свет, и звучала со двора странная песня. Голос влёт и пугал, подрагивало что-то внутри. Ярина прижала ладони к слюдяным квадратам, впитывая слабое тепло, зажмурилась, чувствуя, как вновь настигает тёмный вихрь. Тогда она распахнула глаза, из всех сил вглядываясь в Обыду в бело-красном платье с чёрными узорами по рукавам, в седые волосы, в медное солнце, стоящее над головой, в белые нити...

В домах одна за другой вспыхивали лучины. Тени уходили от околиц, распускались крохотные цветы. Чем свободнее, чем светлее становились дворы, тем дальше отступали от ограды ёлки. С криком взвилось в небо воронье, одна из нитей дрогнула и лопнула с холодным железным звоном. Ярина рванулась подхватить, но только ударилась пальцами о слюду. Нить упала в траву. Мгла подобралась, лизнула пятки ластиющимся волком.

Ярина зажмурилась, представив, что слюдяного оконца нет. Что протянет руку – и схватит белую нитку, дёрнет, и Обыда поймёт, что она одна в избе, а тьма налетает, тянет когти... И потеплеет вокруг, иней уйдёт со стен, и лютая зима отпустит горло.

Выбросила руку вперёд, отчаянно, с криком, поймала нить. Ладонь примёрзла к ней – не оторвать. Обожгло лиловым огнём, трянуло, завертело, как сухой лист в урагане, ударило осколком, посыпалось на голову слюдяной крошкой, землёй, пеплом... И всё стихло. Простёрся вокруг солнечный луг, цветы и камни.

Длилось это всего мгновение – Ярина не успела ни согреться, ни отдышаться. Мелькнуло – и пропало. В следующий миг тепло стало спине и ногам, тяжёлое одеяло легло на грудь,

и снова сомкнулась мгла, но уже не ледяная, а уютная, с потрескиванием огня, со стуком сухого дерева, с голосом, говорившим на чужом, но почти понятном языке. Ещё чуть-чуть, и ухватится, и поймёт...

И вправду поняла. И как только поняла – различила в слабо затеплившемся свете склонившуюся над ней Обыду.

– Значит, не зря сюда попала. Значит, и правда есть в тебе сила. Раз смогла вырвать себе ниточку, раз явилась ко мне, значит, Лесу угодно, чтоб стала моей ученицей.

Ярина приподнялась на локте, и вдруг оказалось, что на дворе день, что она спит на печи, а яга листает у сундука тяжёлую книгу.

– Мне... сон снился, – прошептала Ярина, сглатывая. В горле пересохло, и губы потрескались, будто не пила три дня. – Станный.

– Здесь другие не снятся, – не поднимая головы, ответила Обыда.

– Там избы были во дворе... и нити... и...

– Снов своих никогда никому не рассказывай. Сны тебе разве что Ночь Тёмная растолкует, если в настроении будет, – скупко оборвала яга. – А если проснулась уже – вставай. Утро давно ускакало, День у калитки.

Ярина, дрожа, откинула одеяло. Умылась, согрелась, набрала в пригоршню солнца – словно лучистого горицвета, золотой сурепки. А видение всё не отступало, нет-нет и пробивалась сквозь туман памяти налетающая мгла.

– Сон это был, сон, – проворчала Обыда, вынося на крыльцо вёдра. – Нечего копать-разводить.

– Сон, – послушно повторила Ярина – и поверила. Только много лет спустя узнала, что не сон это был и не явь, а видение, что определяет наперёд целую жизнь.

* * *

Под вечер Обыда достала лесенку, прислонила к стене у полатей, вскарабкалась на самый верх. Принялась перебирать склянки, а они звенели, как пичуги, на разные голоса.

– Что ищешь? – окликнула снизу Ярина, разбиравшая на полу горошины, перья да сухие лепестки.

– Чего ищу, того тебе не полагается, – пробормотала Обыда.

Ярина присмирела: поняла уже, что, пока Обыда говорит таким голосом, выпрашивать себе дороже. С самого полудня яга хлопотала сама не своя: роняла, проливала, печь перетопила до душного жара, сожгла плошню¹⁴.

На душе было муторно, зябко. Обыда тревожилась – тревожился с нею весь Лес. Гудела, трясла ветвями, ива, сустились пташки, примолкли надоедливые русалки. Ярина поскорей разобралась с лепестками и выбралась на двор, успев заметить, как яга сняла с верхних полок завёрнутые в тряпье чашки. Знакомые – сквозь сон Ярина видела, как Обыда перебивает эти чашечки в огромной лохани, замачивает с корой крушины, с хвойным наговором, прогонявшим и тлен, и хворь.

Пока Обыда гремела чашками – то ли расставляла на столе, то ли складывала, – Ярина спряталась за поленницей. Прикорнула на мелких полешках: тепло, сладко, только ломкий цикорий впивался в локти. Во сне он обратился в лучины камышей на чёрной реке – камыши шуршали, царапали, будто хотели насквозь прожечь острями. Когда Ярина открыла глаза, первые звёзды уже высыпали на небе и трава поднялась вечерним дозором, вскинула к тучам бусины усталой росы. Тоненько, тихо-тихо звенел на краю мира кузнечик.

---

¹⁴ Плошнь – грибное, запечённое с картофелем блюдо удмуртской кухни.

– Эй? – испуганно, хрипло со сна позвала Ярина. Сколько прошло времени? И никто не окликнул, не потревожил...

– Не шурши, егоза, – услышала она над ухом. Обернулась и обомлела: Обыда в белом платье в пол, с соломенным венком, со стеклянными глазами стояла за поленницей, глядя в небо. – Смотри лучше.

Тяжёлая мозолистая рука легла на плечо. Ярина тихонько вздохнула, чувствуя, как едко закололо под кожей, как потекла по телу, бодря, чужая сила.

Впереди, там, где лесные деревья сходились в единое полотно, качнулась ель и вспорхнули большие птицы. Не долетев до поляны, едва миновав Яблоневою рошу, растворились в мутном закатном мареве. Запахло ландышем и подснежником – словно на дворе стояла весна.

– Это кто? – шёпотом спросила Ярина.

– Гляди в оба, сама увидишь, – прошептала Обыда, опускаясь на колени рядом, беря её за плечи. – Внимательно смотри. Что сейчас не поймёшь – потом, потом почувствуешь. Узнаешь...

Совсем близко мелькнули силуэты лебедей и лазоревок, а следом упала ночь, и звёзды россыпью покатались по небу, кружа голову. Ярина оглянулась и поняла, что сидит на своей лежанке на печке, привалившись к окну. А за ним, за ледяным слюдяным квадратом, – десяток древних старух. Два десятка... Сто... Много-много...

Все они собрались у воды, у разлившейся до самой избы речки, и рядом с каждой стояла глиняная чашка, в которой плавала ягода: у кого ежевика, у кого клюква, у кого крупная, налитая смородина. По очереди, медленно, все разные, все, как одна, похожие, старухи поднимали чашки, делали по глотку, вновь застывали, глядя в реку. Ярина приникла к окну, всмотрелась в тёмную речную гладь, но поначалу не увидела ничего, кроме отражений звёзд и склонившихся к воде рябиновых веток. Хотела отвести взгляд, но в последний миг, на излёте, ухватила картинку и уже не смогла оторваться: в глубине, под искрящейся зыбью, мелькнула лодка, за ней выросла на далёком берегу деревня, следом поднялся лес – чужой, незнакомый, редкий, подступивший светлым березняком. Тут и там мелькали девичьи фигуры, поблёскивал костёр. «Как так? Костёр в реке...» – растерялась Ярина и увидела ещё дальше, проникла взглядом в самую глубину. Там поплыли по воде три цветка: лиловый мак, золотая купальница и белая незабудка. Нахлынуло, опьянило, ослабили ноги. Ярина, тяжело дыша, отвернулась от окна, навалилась животом на горку подушек и закрыла глаза. Веки жгло, под ними прыгали серебристые маковые искры.

Со двора донёсся шёпот – то ли ветра, то ли листвы, то ли реки. Ярина хотела открыть глаза, но веки налились тяжестью, сердце забилося быстро-быстро. Почудилось, что она бежит по лугу, усеянному незабудками, а впереди, на самой макушке холма, розовеет мак, и прямо над ним всходит солнце. Надо успеть сорвать, пока не поднялось солнышко выше маковой головы. А иначе что-то страшное, что-то тёмное случится, покачнётся Лес...

«А что мак? – успела подумать Ярина. – Мирный цветок. Вот если б папоротник... Но мак-то почему, мак-то что?»

Мысли путались, ноги оплетала трава, сонный морок кутал луг в тёплую пелену. Ярина сама не поняла, как уснула. А когда проснулась, через молодые берёзовые листья светило весёлое солнце, вжикали зеленушки и стучал по груше чёрный дрозд.

– Говорят, если съест косточку яблоневою – умрёт, – произнёс знакомый голос. Ярина вскинула голову и чуть не стукнулась о присевшую на угол лежанки Обыду. – Поёт звонче соловья, и ловкий, и гнездо вьёт какое ровненькое. А вот посмотри, одной косточкой можно погубить.

– Где же он косточки находит? – пробормотала Ярина, чувствуя, как наливается чугуном, едкой мышиной болью затылок.

– Кто его знает, – непривычно миролюбиво ответила Обыда, проводя сухой рукой по Яриной голове. – Поднимайся, Яринка. Нечего лежеботничать.

Головная боль заворочалась недовольным зверем, но, повинаясь холодной ладони, растаяла без следа.

– Птичка сама никогда дурного не съест. Если только запутается совсем или заставит кто. Вставай.

Ярина слезла с печки, одёрнула сарафан. Плеснула из корыта в лицо. Все сны свои первых дней в избе забыла, забыла накрепко до тех пор, пока не понадобилось вспомнить.

Глава 3. Ломоть сердца

Они таились повсюду: за подушками на печи, под лавкой, на узкой приступке у слюдяного окна. Качали головами со столбиков у порога. Выглядывали из-за самовара. Блестели смоляными глазами в щели половиц.

– Кто это? – тихонько спросила Ярина. – Смотрят...

– Куколки мои, – проворчала Обыда, вынимая из сундука драгоценное барахло. На лавке росла гора лоскутков, пялец, шкатулок; словно змеи, выползали из ящиков изумрудные нити, выкатывались похожие на румяные репки клубки, по избе разносился сухой и сладкий запах травы и мыла.

– Живые они? – Ярина взяла в руки жёлтый клубок.

– А как же. Чем больше на них глядишь, чем больше о них думаешь, тем они живей. Ты на них с ночи косишься, вот они по избе и разбежались, подмигивают.

– Не пугай, – шёпотом попросила Ярина. Прижала клубок к груди. – Не пугай, пожалуйста.

– Я пугаю? Ты их сама боишься, глазастая. Куколки мои тебе ничего дурного не сделают, а когда-нибудь и твоими станут. Но любая вещь страшной делается, когда сам её бояться начинаешь.

– А всё-таки жуткие. Глаза у них... как огни в лесу.

– Вот перестанешь бояться – глаза и погаснут, – усмехнулась Обыда. – Да и некогда тебе бояться, сейчас вышивать начнём. Бери иглу. Бери нитку. Натягивай... Вот так обрывай. Куда руками лезешь? Колдовством! Колдовством рви!

– Как колдовством?

– Как чувствуешь. Тяни!

– Да как?

– Как чувствуешь! Натяни! До предела натяни, будь сильнее, чем нитка!

Застучало в ушах; раскалилась иглка в пальцах. Ярина взвизгнула и выронила её на пол. В тот же миг гулкий, тугой звон пошёл на весь Лес – будто не игла железная щёлкнула о деревянные половицы, а чугунный шар ударил о ледяной металл. Всё затихло: птицы, кроны, ветер, зверьё, земля. Лопнув, порвалась нитка.

– Тишину запомнила? – спросила Обыда как ни в чём не бывало. Вспотевшая, взъерошенная Ярина медленно подняла глаза. Сердце колотилось так, что, казалось, выскочит через горло и покатится, подпрыгивая. – Такая бывает, когда нарушается Равновесие. Только длится не мгновение, а долго, долго...

Ярина подула на пальцы. Тихо переспросила:

– Равновесие?

– Хтонь и Лес сколько стоят, столько в Равновесии держатся. Но если что на одной стороне перевесит – другая пошатнётся. И всему порядку конец.

– А что может перевесить?

– Мало ли что. Знаки, кровь. Ворожба. Злоба. Да и добро тоже... Сила, опять же, перевесить может. – Обыда подняла с пола иглу, поставила остриём на палец. Та подержалась, качнулась и упала яге в ладонь. – Сила во всех существах Лесных разлита: в ком-то капелька, в ком-то озеро целое. Но во всём Лесу её сколько есть, столько есть! А если станет вдруг больше – тут и конец Равновесию. Но об этом потом поговорим, позже. Рано о таком думать, пока ничему толком не научилась. Ты пока лучше подумай: почувствовала хоть, как нитку порвала? Поняла?

– Само...

– Само! – передразнила Обыда. – Чутче надо быть, прислушиваться к себе, к рукам, к душе, к воздуху, к тем, кто близко, к тем, кто далеко. Ко всему вокруг прислушиваться нужно, каждый миг. Такова доля яги. Ну! Послушай себя! Эх-то хоть должна услышать, если не совсем бестолковая.

Ярина, у которой голова кружилась от бессонных, полных видений ночей, от странного жара и колотья в пальцах, от тумана в рассудке, от того, что Обыда то чужая, сердитая, то насмешливая, задумчивая, изо всех сил постаралась прислушаться. Замерла. Вдохнула, затаилась. Выдохнула едва слышно:

– Нет.

А Обыда вдруг ответила ровно и нисколько не зло:

– Ну и ладно. Всему своё время, почувствуешь ещё. А Тишину запомни. Услышишь такую снова – так и знай: конец близко.

* * *

– Что, поколдовала твоя девчонка? – перешагнув порог, осведомился Бессмертный.

Вумурт¹⁵, отряхнув кафтан, прошмыгнул следом. Обыда сунула водяному полотенце, озабоченно покосилась на Кощея:

– Сильно было слышать?

– Ещё как! – засмеялся Вумурт, вытирая лоб. – Русалки мои до сих пор дрожат.

– А вроде не дольше мига, – покачала головой Обыда, вытаскивая из-под стола сосновую лавку. – Садись, батюшка. А ты не мокри мне тут, еле плесень вывела с того раза!

Вумурт стыдливо улыбнулся и устроился на бочке с соленьями. Просительно протянул:

– Огурчиком дашь похрустеть, Обыдушка?

– Сейчас всё съешь, а зимой что твои русалки жрать будут? Водоросли сосать, ивняк глотать?

– Один огурчик, Обыдушка, голубка!

– Какая я тебе голубка, – фыркнула Обыда, ставя на стол чашки. На белой скатерти выросло широкое блюдо, наполнилось перепечами¹⁶ с мясом. Рядом Обыда поставила плошку со сметаной. Вумурту, который уже вздумал пустить слезу, по носу ударил солёный огурец.

– Вот спасибо! – засвистел водяной и принялся обглаживать вялую шкурку.

– Только так и заставишь молчать, – вздохнула Обыда. – Ты зачем его с собой притащил, батюшка?

– Так жаловался, что русалки после Тишины никак отойти не могут, не поют, на цветы не смотрят. Пристал ко мне: пошли да пошли к яге, пусть какую мазь даст.

– Да какая мазь! Вся мазь с его склизких девчат стечёт, – хмыкнула Обыда. – А ведь всего-то нитку Ярина порвала.

– А сердцевина какая? – спросил Кошей.

– Да какая – обыкновенная самая. Жила мышинная да колдовства чуток.

– Точно ли? Ничего не перепутала?

Обыда нахмурилась, замахнулась на Кощея:

– За дуру старую держишь? Я пока ещё ниток не пу...

Моргнула. Замерла. А затем, забыв про Вумурта, всю шуровавшего в бочке, бросилась к сундуку. Перебрала мотки и катушки, вытащила давешний клубок. Виновато произнесла:

---

¹⁵ Вумурт – в удмуртской мифологии водяной, хозяин водоёмов.

¹⁶ Перепечи – удмуртское блюдо, выпечка в виде ватрушек с начинкой (мясо, грибы, капуста, крапива и т. д.), которая заливается сверху яйцом и молоком. По одной из версий, перепечи называются так, потому что их пекут не в самой печи, а перед ней.

– Ниточка из Идниной¹⁷ тетивы. Вот что это было. Вот почему так долго порвать не могла, а я уж решила – совсем девочка бездарь.

– Я тебя за дуру не держу, – выждав, степенно ответил Кощей. – Сама знаешь, я тебя самой умной из всех яг считаю. Но, видно, отвыкла ты с Марийкой-то за мелочами следить.

Обыда промолчала. Невидящим взглядом посмотрела, как в прозрачном животе Вумурта булькают огурцы. Вздохла.

– Да уж. С Марийкой-то хлопот почти не было.

– Поздно плакать, – икнув, влез в разговор водяной. Сыто развалился, опёрся о стену, потянулся к сушёным ландышам, висевшим на балке. Причмокнув, съел цветочек. – Привыкать надо к новой. У меня русалки каждый год нарождаются новые, каждый год старые эхом улетают. Ничего, терплю.

– Такая твоя доля, – насмешливо хмыкнул Кощей, надкусывая перепечь. Жирный горячий сок брызнул на костлявые пальцы. – Умеешь, матушка, перепечи делать. Ни одна яга так не могла.

– Много их было на твоей памяти? – фыркнула Обыда.

– Да, почитай, все, не зря я Бессмертный. И ты давай блюдце-то от меня отодвинь, а то всё разом и съем, девочке не останется. Где она, кстати, ученица твоя?

– Рано ей пока. Я в тесто росу добавила с Иванова дня¹⁸, пообвыкнуть надо в Лесу, прежде чем есть такое. Откуда мне знать, откель она ко мне попала? Из какого года, из какого города... Пустила гулять пока, со двором знакомиться.

– Не боишься?

– Как не боюсь? От сердца-то уж сколько ломтей оторвано. Ещё один терять не хотелось бы, – проворчала яга и, шлёпая Вумурта по животу, добавила: – Ай, наелся уже, хватит тебе, болезный! Ишь, талы вылупил¹⁹, ищет, что б ещё пожрать! Хватит. Возьми в подполе Глоток Надежды, отлей две капли – на все пруды твои за глаза хватит. Шагай давай.

Дождавшись, пока Вумурт, побулькивая, сползёт по ступеням в погреб, Обыда добавила:

– Помнишь, была у меня беленькая, ласковая? Оксиня. Вот её уж от всего берегла как могла. И монисто заговаривала, и в отваре отводящем каждую луну купала. А что с ней случилось, помнишь? Уж лучше б не берегла...

Яга подпёрла щёку кулаком, глянула сквозь время. Кощей похлопал её по руке.

– Значит, судьба такая была. Если одна ветка обломится – другая побег даст.

– Верно, батюшка, – кивнула Обыда. Подняла голову, посмотрела пустыми посветлевшими глазами. – А девочку Яриной звать. Красивое имя. Недельку проживёт – надо будет о втором поду...

Во дворе грохнуло, пошёл дым, крепко запахло грибами, солью и нутром колодца.

– Разрыв-траву нашла! – ахнула Обыда.

– Проживёт, – засмеялся Кощей и белым ногтем проткнул тонкое, вздувшееся на перепече тесто.

* * *

Когда Обыда выскочила во двор, вдоль ограды, осаживая коня, метался День Красный – вихрем облетал поляну перед избой, поднимал звон и пыль. Ярина, съёжившись, сидела на

---

¹⁷ Идна – батыр, легендарный удмуртский богатырь, основавший поселение Иднакар.

¹⁸ Имеется в виду роса, собранная в ночь на Иванов день – «Кипанча нунал» (удм.), день летнего солнцеворота, в который, по поверьям разных народов, в том числе удмуртов, усиливались контакты между мирами, «тем» и «этим». Собранным в это время траве и росе приписывались особые целебные свойства.

¹⁹ Талы вылупил – то есть глаза выпучил.

земле у бани. Глаза так и бегали туда-сюда, едва поспевая за поджарым медногривым конём; пальцы впились в рыхлую осеннюю землю, из которой проклёвывались рубиновые цветы. Заметив Обыду, Ярина тряхнула головой и закатилась смехом. Обыда опешила, но уже мгновенно спустя поняла, что девочка плачет, а не хохочет. Гаркнула, чтоб докричаться сквозь грохот и ржание:

– Чего разрюмилась?

Копыта взметали вихри палой листвы, солнце, следуя за всадником, как ошалелое сияло над двором, тренькали сбитые с толку пеночки.

– Что, всякая лошадь тебя напугать может?

– Я в него травой бросила! А он ещё хуже...

Вот оно что. Дню Красному, у которого конь и без того резвый, разрыв-травой в лоб попало. Он, поди, и сам теперь остановиться хочет, да как?

– А ну стой! – велела Обыда, шагая к бане. Заржал красный конь, прокричал что-то красный всадник; у Обыды кровь бросилась в лицо. Она не сдержалась, грозно приказала: – Эн зуль!²⁰ Придержи коня, нечего девочку пугать!

А сама наклонилась над Яриной, цепко взяла за плечи:

– Поднимайся! Пока сиднем сидишь, всякий враг тебя выше.

Девочка обмякла в руках – ни огня, ни искорки. Обыда тронула Яринин локоть, прислушалась. В первый миг ничего не услышала, и во второй – тишина. Только в третий различила, как слабо-слабо бьётся под кожей огонёк. Обхватила сухими длинными пальцами узенькое запястье, направила кисть вперёд, на всадника:

– Обожги-ка его слегка. Представь, будто горячим горохом швыряешь.

– Не хочу обжигать, – всхлипнула Ярина.

– Хочешь, чтоб он так до самой ночи скакал, тебя развлекал?

– Нет...

– Так прогони! Всякому спуск давать будешь – сама спустишься ниже некуда.

– А по-другому можно? Не горохом?

– Можно. Пламенем можно.

– Нет! Не пламенем! Просто прогнать, чтобы не больно...

– Ишь, жалостливая нашлась, – поморщилась Обыда. – А ну, сейчас же давай! А то сама тебе всыплю!

Ярина зажмурилась и махнула рукой. Золотые мотыльки сорвались с пальцев, роем полетели коню в морду. Тот заржал, взвился. Засмеялся всадник. Один из мотыльков сел ему на шапку, расправил крылья и замер, как янтарная брошь. Всадник махнул рукой – брошь сверкнула, поймав солнце, – пришпорил коня и плавно поворотил к лесу. Шаг, шаг... А следующего и не было: конь взмыл в воздух, оставляя за собой жаркий ветер и отзвук лета – горячий, малиновый. Миг, другой – и след затянулся, снова всюду стояла осень, а День Красный яркой точкой алел над верхушками сосняка.

– Спуску им не давай, – повторила Обыда, отпуская Яринину руку. – Ты хоть и мала ещё, а здесь, со мной жить будешь. Все Лесные знают: с ягой шутки плохи. Но пока силу твою не почувствуют, так и будут колобродить. Вставай. Что как куль развалилась? Некогда нам с тобой сидеть. День долог, а век короток.

– Сил нет, – прошептала Ярина.

– Зато в следующий раз рассчитывать будешь. Я тебе что говорила? Горохом всыпь. А ты бабочек натворила, на красоту потратилась. Грошовая это красота, Ярина. Поднимайся. Я пироги рябиновые напекла, поешь – полегчает. Чёрточки-то тебе показывать?

– Да...

---

²⁰ Эн зуль (удм.) – замолчи.

– А нитку кто в иглу вденет?

Волоча ноги, добралась Ярина до избы, взобралась на лавку.

– Ешь. – Обыда поставила перед ней пироги, плеснула в чашку розового отвара. – Пей. – А сама уселась на короб у печи и принялась стягивать лапти.

С каждым глотком прибавлялось сил, с каждым куском становилось теплей, спокойней. Ярина неуверенно улыбнулась, потянулась к плошке с вареньем, выглянула из-за самовара и остолбенела: заметила, что стопы у Обыды вывернулись задом наперёд – сзади пальцы, спереди пятки.

– Что у тебя с ногами?!

– Нашла чему дивиться, – пробормотала Обыда, проворно вытягивая из воздуха шерстяные онучи²¹. Глянула на Ярину, перевела взгляд на сброшенные серые обмотки – по сукну пробежала искра, мигнула оранжевая змейка, и тотчас онучи обратились в жирный чёрный прах. Обыда прошептала что-то, и пепел развеялся по ветру.

– Это зачем? – всё изумлялась Ярина.

– Это день пройденный, – ответила Обыда. – Ты, пока мала, бегай как хочешь. А как постарше будешь, так же придётся делать. А то каждый день за собой волочь – далеко не уйдёшь. Наелась?

– Наелась...

– Вот и славно. Иголку-то подбери. Вон, на полу так и валяется. Никогда больше так не оставляй.

– В ногу вопьётся? – понимающе спросила Ярина.

– В ногу-то ладно, – криво усмехнулась Обыда. – Из ноги и вынуть можно. Хуже, если в руки чужие попадёт. Видела, студенистый такой приходил, зелёный, пока ты во дворе сидела? Это Вумурт, хозяин вод. Вроде и толковый, а вроде и бестолковый. Его-то я приучила в избе ничего не трогать, не баловать. А вот другие... Те же русалки его – суетня, сало! Что блестит, всё норовят схватить. Как выскочат на берег, как патлы свои разложат... Зимой ладно, от проруби далеко не отходят, а летом их волосы с травой запросто можно попутать. Они туда вплетают цветы-ягоды, а ты пойдёшь собирать, ягодка за ягодкой, так до самой воды и дойдёшь, не заметишь, как утянут.

– Ай!

– Что – ай? Не зевай! – погрозила пальцем Обыда, завязав верёвочку поверх онуча. – Никогда за русалками не ходи. И Мунчомурта²² не слушай. Он плачет, как дитяtko, жалобно-жалобно, а сам живёт за каменкой в бане, ждёт, когда подойдёшь. Тут же утащит, сглазит и кипятком обварит.

Ярина молча съёжилась, побледнела.

– Да, глазастая, – усмехнулась Обыда, – в Лесу не зевай, тут что ни травка, то загадка, иголка в чужих руках чужую силу удваивает. А в Хтони – тем более. Ну да про это тебе пока не надо. Иголку нашла?

– Нашла, – пискнула Ярина. – А ты-то их не боишься всех?

– Чего мне бояться, – пожала плечами Обыда. – Я тут яга, хозяйка. Я для того тут и есть, чтобы Лес жил справно, чтобы отсюда туда не шныряли, а оттуда – сюда. А ты присматривайся, на ус мотай, не зевай, не бойся никого – никто тебя и не тронет. Нитку бери. Вдевай. Шустрей! Острый глаз, молодой, нечего копошиться.

Альбинка-то половчей была.

– Теперь сюда втыкай. Ровно с центра начинай вышивку, всегда, какой бы узор ни задумала. В сердце никогда пусто не должно быть, а иначе всё напрасно. А дальше узор как цветок

---

²¹ Онучи – замена чулок под сапоги и лапти, длинная, широкая полоса ткани для обмотки ноги до колена.

²² Мунчомурт – в удмуртской мифологии хозяин бани, банник.

распускай: от серединки лепестки, листики, стебель. И корнем всегда уходи обратно к сердцу. Вот так надо замыкать.

А пальцы-то всё же проворные.

– И чтобы с изнанки не было ни стежочка лишнего. Чтобы лицо от изнанки ни за что не отличить.

Даже не спросит почему. Неужто такая нелюбопытная?

– Любое шитьё, в которое ты колдовство вкладываешь, оживает. Вот как луг в капле росы отражается – так весь мир, все силы, которые ты зовёшь, собираются в пальцах. И если у тебя лицо с изнанкой хоть в узелочке не совпадёт, то и мир со своей изнанкой разойдётся.

Слушает внимательно. Тихонькая...

– Потому узлы нужно делать аккуратные, невидимые. Скрывать в самом полотне. С первого раза ни у кого не выходит, так что, как первые знаки вышьешь, не расстраивайся, если криво получится.

– А если с изнанкой не совпадёт? – раскрыла наконец рот Ярина. – Плохо же. Боюсь.

– Заладила – «боюсь-боюсь». Нельзя тебе никого бояться, пусть и мала ещё. На первый раз я тебе особую иголку дала, она сама всё поправит.

– Почему всегда такой иголкой шить нельзя?

«Хоть бы одна об этом не спросила», – с усмешкой подумала Обыда. Ярине ответила:

– Потому что пальцы от неё горят, сердце колет и глаза слепит. Если в одном месте проще получается, в другом труднее. Это и есть Равновесие. Оно во всём, всюду. Даже если кажется, что ушло, отступило, покинуло и тебя, и мир, – оно всё равно есть, вернётся и всё по местам расставит.

Ярина вздохнула, задумавшись.

– Стежок вот так клади. Не длинный и не короткий. И все стежки чтобы один к одному. Узел вот так вяжи. Понятно?

– Нет.

Надо же! Призналась.

– Ну, смотри ещё раз. Теперь понятно?

– Не-а.

– Ну, ещё раз показываю, последний. Молодец, что сказала. Не стыдно не знать – стыдно не стараться узнать. Крепко запомни и всегда спрашивай, прежде чем кашу заварить.

Может, и правда выйдет толк.

– А давай уже шить будем? Вот как тогда на одеяле чёрточки серебристые. – Ярина потянулась к пальцам, схватила и выронила.

А может, и не выйдет.

– Вот ещё что запомни, Ярина. Не только в игле дело, а ещё в самом полотне. Всякого полотна на всякую мастерицу заранее отмерено. Можно, конечно, взять неудачную вышивку да сжечь. Но так полотна не напасёшься, и может статься, что на важное, на самое нужное не хватит. Поняла?

– Поняла. Давай шить скорей!

– Ну давай, что ли, – тяжело вздохнула Обыда.

Непростое это дело – два десятка девчат шить выучить. У этой хоть руки дырявые, да глаза горят. И то легче.

* * *

– Что ты шьёшь? – тем же вечером спросила Ярина, завистливо глядя, как ловко плывёт в умелых руках игла.

– Дырпус²³. Дырпус это, глазастая.

– И какое у него колдовство?

– Да почти и никакого. Повесим на стену, удобнее будет день узнавать. Из дерева календарь больно тяжёлый, а тряпка лёгенькая.

«Да почти и никакого». Слукавила Обыда: много позже, под самый конец года, Ярина выглянула в окно и оторопела – всё сложилось в ту же картину, что яга вышила на дырпусе. Двор, и лес, и далёкие поляны... А вверху, по небу, разложенному на лазурь и серебро, катилась соломенная телега, сидя в которой Инмар²⁴ плёл новое колесо.

---

²³ Дырпус(удм.) – календарь.

²⁴ Инмар – верховное божество в удмуртской мифологии. Демиург, творец всего хорошего и доброго.

Глава 4. Оберег

– Коркамурт²⁵, – негромко позвала Обыда, набрасывая на плечи шаль. – Корка!
Домовой отделился от тени, выглянул из-за угла. Уставился на хозяйку, блестя глазами, отражавшими месяц.

– В лес схожу за основой для оберега, – сказала Обыда. Покосилась на печку, на которой спала Ярина. Велела: – Если до моего прихода проснётся, проследи, чтобы всё ладно было.

Коркамурт сонно кивнул.

– Накормишь. Подкажешь, если что. К чернודвери не подпускай.

Домовой снова кивнул, побрёл обратно в свой угол.

– Что молчишь-то? Молчуном решил стать, как Утро Ясное?

– А чего отвечать-то? – проворчал Корка. – Понял я. Чай не в первый раз.

– Чай не в первый, – задумчиво согласилась Обыда, глядя, как домовой собирает вокруг себя одеяла, укладывается, вздыхает. – А чего не в подполе-то ночуешь? Чего в избе решил?

Коркамурт повёл плечом. Буркнул:

– Холодно. Да лохматая та всё ночами из-под земли скребётся.

– Вот пуны вырбс²⁶, – сердито прошептала Обыда. – Давно бы сказал. Отважу её, как вернусь. Ну, спите...

Бросила быстрый взгляд на тихую сумрачную избу, прикрыла дверь и шагнула в ночь.

Неблизко было идти. Холод обвивал руки, клонило в сон, и глаз уже был не таким острым, как прежде. Сколько так хаживала, основу искала – и с каждым разом всё сложнее ночью пешком по лесу становилось; а вместе с тем всё легче было расслышать лесные шорохи, разглядеть заветные знаки, и не надо было уже шептать, созывая змей, – сами ползли, шуршали в траве под ногами, указывали дорогу.

Обыда опустилась в траву на берегу Ужова ручья. Протянула руку и тотчас почувствовала, как влажное ледяное тельце скользнуло в ладонь. Осторожно сомкнула пальцы и медленно, держась за старую липу, поднялась. Ужик в ладони затих, не шевелился. Крохотный совсем, как раз по руке будет.

Самое простое сделала. Теперь можно, не торопясь, не приглядываясь, идти вглубь леса. Где захочет Ночь Тёмная, там и покажется.

Лес редел. Путались, расступаясь, ветки. Звёзды проглядывали сквозь кроны. Обыда шагала, подмечая новые ростки, обходя нарождающиеся озёра. Вспорхнула из-под ног ночная птица, потянуло сквозняком – тени скользили к избе. Зашуршало в траве; не томышь, не то запоздалый акшан²⁷.

Наконец, когда в далёких прогалинах начал уже сереть воздух, навстречу шагнул молодец – черноглазый, весь в чёрном, с чёрным конём.

– Здравствуй, Обыда.

– Здравствуй, Ночь моя Тёмная. Догадался, поди, зачем звала?

Молодец качнул головой. Обыда показала ему ужа на ладони:

– Оберег хочу ученице новой сделать.

– Снова из ужа да из паучьей травы? Что-то не помню я, чтоб помогло это прежним твоим девочкам.

---

²⁵ Коркамурт (здесь также Корка) – в удмуртской мифологии домовой.

²⁶ Пуны вырбс (удм.) – собачья повадка; ругательное выражение.

²⁷ Акшан – в удмуртской мифологии злой дух сумерек.

– Вот потому и хочу не так сплести, как раньше, а твоей помощью заручиться. Ну и братьев твоих... – Обыда протянула замершего ужа Ночи. – Хочу, чтобы каждый своё колдовство в оберег вложил. Чтобы и утром, и днём, и ночью ваша защита с ней была.

– Это-то несложно, – откликнулся Ночь Тёмная. – Вот только правда ли веришь, что поможет?

– Не твоя забота, Ночка! Твоя – лошадку водить и делать, что хозяйка Леса велела.

– Как скажешь, яга, – насмешливо кивнул Ночь.

Подставил ладонь в шёлковой перчатке. Уж доверчиво переполз, свернулся петелькой, как Обыда, бывало, время сворачивала да возвращала, когда не успевала что или когда ученице надо было урок усвоить. Ночь поднял ладонь к лицу идохнул на ужа. Блеснул в глазках-бусинах, совсем как намердни в глазах Коркамурта, месяц, и змейка застыла. Ночь вернул окоченевшее тельце Обыде. Подозвал коня, запрыгнул в седло. Спросил:

– Про Пламя-то объяснила новой ученице? А то ведь заглядится, как Марийка, подумает, что осилит приручить, да шагнёт не глядя.

– Рано ей пока. Время придёт – объясню, – сухо ответила Обыда. – А тебе не пора ли ехать ещё, Ноченька?

Ночь обвёл взглядом поляну; мрак редел, ярче разгорались барбарисовые гроздья, на Передних полянах всхрапнул уже конь Утра.

– Пора, – ответил Тём-атае. – Да и тебе пора придёт всё ей рассказать, как ни оттягивай.

Сказал – и растворился во тьме. Только затих цокот копыт, как брызнуло из-за кустов первое золотое солнце и выехал статный всадник на белом коне, весь в белом. Одной рукой он держал поводья, другой вёл над цветами, разворачивавшими к нему росистые лепестки. Увидев Обыду, кивнул; повеяло от него прохладой, как от скошенной травы.

– Ранёхонько ты.

– Здравствуй, Утро моё Ясное. Помощь твоя нужна. Перво-наперво хорошо бы, чтоб с ученицей новой моей ты познакомился.

– Вот уж не проси, – покачал головой Утро, запахивая кафтан. – Придёт время – и так встретимся. Знаешь же, не люблю я лишний раз с чужи...

– Не чужая она, – строго оборвала Обыда.

– Вот четырнадцатую весну проживёт – тогда посмотрим. – Утро похлопал коня по холке, тот негромко заржал; ему вторили проснувшиеся горихвостки.

– А чтоб дотянула до тех пор, помощи-ка мне, – протягивая Утру ладонь, велела Обыда. – Попроси ужа в кольцо замкнуться.

Утро пригляделся к мёртвой змее, в чёрных чешуйках которой поблёскивал ясный свет. Развёл руками:

– На него Ночьдохнул. Мне его не оживить.

– Я разве навсегда оживить прошу? Оживи на миг-другой, попроси, чтоб в кольцо замкнулся да умер снова.

– Зачем тебе это, Обыда?

– Основа это для оберега Ярине. Ночь умертвил, ты оживишь, а День затвердит накрепко. Я потом паучьей травой оплету, и будет девке защита в лесу в любую пору.

Утро молча взял змейку. Совсем как Ночь, поднёс к лицу,дохнул на тельце. Змеиные глаза блеснули, ужик поднял голову, извернулся кольцом и застыл. Утро отдал кольцо, коротко поклонился и поскакал дальше по лесу, ведя за собой рассвет.

* * *

А в избе тем временем проснулась Ярина. Села на печке, огляделась, обнимая себя за плечи. Позвала тихонько:

– Обыда!

Никто не откликнулся – только била ветка в окно, где-то капало, и скреблось что-то то ли в стену, то ли под полом. Ярина поджала ноги, завернулась в одеяло. На дворе едва занимался свет, а в избе ни одной лучины не горело, ни одной свечки. Всё серое да чёрное, серое да чёрное, сумрачное, туманное...

Закряхтел кто-то под лавкой. Ярина забилась в угол.

– Не пужайся, – прошептали снизу. – Домовой я.

– Ты тут откуда? – вытаращилась Ярина на лохматого старичка в белой рубашке.

– Живу я тут, – проворчал старик.

Ярина подалась вперёд и разглядела, что старик едва ли больше неё самой. Чуть успокоившись, спросила:

– Почему я раньше тебя не видела? А Обыда где?

– Я на глаза зря не показываюсь, – с достоинством ответил старик. – А Обыда в лес пошла, ужа тебе на оберег искать. А мне велела за тобой приглядеть, коли рано проснёшься. Проснулась, что ли? Или ещё будешь спать?

– Проснулась, – ответила Ярина. – А ты... точно домовый? Не та... болотная?..

– Какая ещё болотная? – замахал руками старик. Суетливо влез на лавку, принялся, не глядя на Ярину, складывать уголок к уголку свои тряпки. – Никаких болотных тут нет. Коркамурт я. Коркой можешь звать. Давай слезай, раз проснулась.

– Точно? А то ведь... Похож ты на неё.

– На кого похож? – ещё пуще заворчал Коркамурт. – Нянь понна²⁸, домовый я! Всё, хватит болтать, слезай, завтракать будем. Авось перепадёт домовому масличка.

Ярина сползла с печки, схватила с лавки сарафан. Коркамурт тем временем выставял на стол горшки, чашки.

– Вот тут, значит, малинка. Вот тут хлебушек. Вот тут кисель.

– Кисель вечером пьют, – с сомнением протянула Ярина.

– Нигде такого правила не писано, – быстро сказал Корка. Оглянулся на Ярину, облизнул ложку. – О-ох, вкусно-то как! Ёеч²⁹. Так, а тут у нас, значит, медок... Вот сейчас намажем хлебушек сметанкой, медочком польём, будет хорошо!

– погоди, – нахмурилась сбитая с толку Ярина. – Обыда говорит, завтрак – всему голова, надо с утра как следует есть.

– Вот мы и поедим, пока она не вернулась! – Корка уселся за стол. Похлопал по лавке рядом. – Давай-давай!

Ярина неуверенно села. Оторвала от каравая краюшку. Домовой тем временем всю орудовал ложками.

– Как так не умывшись?..

– Запросто, – хмыкнул Корка. – Тоже ведь нигде не писано, что, прежде чем завтракать, умываться надо.

– Как это? – протянула Ярина. – Это всем ясно. Сначала умойся, потом ешь. Зимой холодно, летом тепло. Ночью спят, днём дела делают.

– Э, ма́ка³⁰, это тебя обманули! Вот на Обыду хотя бы глянь: ночь на дворе, а она в лесу. И в первый раз, что ли? Так что ты больно этим правилам не верь. Как сама решишь, так и будет.

Ярина глянула за окно. Не такая уж была и ночь – светлей и светлей делалось в горнице, чашки-ложки стало видно без всякого огня. Вот и всадник давешний пролетел – белый, ясный.

---

²⁸ Нянь понна (удм.) – хлебом клянусь! Фрагмент одной из самых убедительных удмуртских клятв.

²⁹ Ёеч (удм.) – здорово, хорошо; молодец.

³⁰ Ма́ка (удм.) – ласковое, доброе обращение к ребёнку, девушке.

Заглядевшись, задумавшись про Утро, Ярина не заметила, как ополовинила плошку с мёдом. Опомнилась, глядя, как Корка щедро льёт на хлеб варенье:

– Сладкое понемножку едят!

– А мы разве помножку? – спросил Коркамурт. Вдохнул: – Вот бы масличка ещё.

– А разве нет масла?

– Есть. Вон там, за сундуком, на холодке Обыда прячет.

Ярина удивлённо глянула на сундук у окна; на её памяти Обыда ни масла, ни чего другого не прятала.

– Мала ты ещё, не знаешь всех её сокровищ да загадок, – ответил Корка. – В сундуке она самое тайное прячет – книжку, например, свою. А за сундуком – что попроще. Маслице вот.

– Зачем масло прятать? – совсем уж ничего не понимая, спросила Ярина.

– Затем, что оно домовому, только чтоб задобрить, полагается. И за особые заслуги. Вот за то, что я с тобой нынче утречком побуду... Обыда сказала, ты мне масличка дашь!

– Да?..

– Да! – Корка глянул на сундук, погрузился, уставился на деревянную доску, в которую воткнул было нож. – Но как ты сундук-то отодвинешь? Мала ещё...

– Да запросто, – ответила Ярина, вставая.

– Куда? Доешь сначала! Где это видано – посреди еды вскакивать?

– А это правило разве где-то писано? – лукаво улыбнулась Ярина и босиком побежала к сундуку.

Отодвинула – и вовсе не тяжело, чего Корка сомневался? – и вытащила из-под окна горшок с маслом, обёрнутый сероватой тряпицей. Большой горшок! Обняла обеими руками, закашлялась, но дотянула до стола.

– Ну? Сколько там тебе масла Обыда обещала?

– Да малёхонько... кусочек, – застеснялся Корка.

Ярина взяла ложку, запустила в горшок, отковырнула подстывшего, холодного масла и положила домовому на блюде.

– Побо-о-ольше, – с досадой протянул он. – Старика не обижай!

Ярина ещё раз ковырнула ложкой и ещё. От масла шла прохлада, веяло сливками и орехом. Не успел третий кусок соскользнуть на блюде, как Коркамурт потянулся к маслу, принялся есть прямо руками, урча, приговаривая:

– Вот порадовала! Вот порадовала!

– Ты хоть с хлебом, – испугалась Ярина. – Плохо же станет!

– От такой еды плохо не бывает, – заявил Корка, влез с ногами на лавку и облизнул пальцы. – Вот это дело! Досыта накормила! Ух, Обыда – жадина, никогда столько не давала!

– Может, правильно не давала? – спросила Ярина, уже почти уверенная, что и ей столько давать не стоило. Осторожно дёрнула домового за подол рубахи: – Да сядь ты нормально... Упадёшь же!

– Домовому, думаешь, легко? – глядя на неё сверху вниз, сыто вздохнул Корка. – Целый день за избой следи, ночью от всяких-яких отбивайся, а ходики эти снуют туда-сюда, снуют, снуют! А молодцы эти – шур, шур, аж ветер! Садочек мой за околицей истоптали...

Корка всхлипнул, встал во весь рост и покачнулся. Ярина стянула его с лавки, усадила рядом. Домовой взял блюде и принялся слизывать масляные остатки.

– Ну, не плачь... А что за молодцы? День, Ночь и Утро?

– Они самые, – кивнул Коркамурт. Икнул, выпил залпом полчашки водицы.

– Кто они такие?

– Слуги Инмаровы. Ох, капризные!.. Скачут, значит, и приглядывают, что в Лесу творится, что в Хтони. Ежели что не так – докладывают Инмару. Яге помогают, в чём понадобится. Ну и солнышко за собой водят, чтобы вовремя были и день, и ночь, чтоб Равновесие было!

Приткнулся к Яринину боку, вздохнул. Потрогал её ладонь.

– Что-то холодная ты, девка. Замёрзла, что ли? Печь растопить?

– Не, – отмахнулась Ярина. – А они, всадники эти, откуда взялись?

– Говорят, луна с солнцем раньше всё время ссорились, – объяснил Коркамурт, водя по блюду пальцем. – Надоели Инмару их ссоры, вот он и решил время пополам разделить: половину – свет, половину – тьма. Свет, значит, солнышку, тьму – луне. И молодцев к ним приставил, помощников. Вот как в избе у нас руки-помощники скребут-метут, так День и Ночь солнышку задремать помогают, луне проснуться. Это помимо прочих забот, конечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.